

диалектике» Августина, «Об истолковании» Аристотеля и «Исагог» Порфирия. «Десять категорий» Эйрик рассматривал не как

буквальный перевод, а как вольное переложение «Категорий» Аристотеля, сделанное св. Августином. В толкованиях Эйрика легко угадывается влияние Иоанна Скота Эриугены. Отрывок, опубликованный Орео, который, впрочем, специально выбрал его для этой цели, показывает, что Эйрик воспринял эриугеновское понятие «природа», которое объединяет все, что есть и не есть, включая то, что транс-цендирует чувственное познание, и Самого Бога. Бытие он определяет так: это — всякая простая, неизменная, сотворенная Богом сущность, например живое существо (то есть род «животное»), и все простые элементы; наоборот, все, что состоит из четырех элементов, распадается, гибнет и сами элементы растворяются в том, из чего они происходят. Тем более любопытно заметить, что Эйрик решительно отвергает реальность родов и видов. Должно быть, в комментариях Боэция он разглядел самого Аристотеля, ибо для него конкретную реальность составляет частная субстанция, а роды и виды обозначают не различные субстанции, а индивиды, которые одни субстанциальны и входят в роды и виды. Возникает вопрос, как этот эмпиризм согласуется по своему замыслу с эриугенизмом Эйрика? Но не задается ли и он тем же вопросом? Во всяком случае очевидно, что Эйрик интерпретирует универсалии как имена, которые позволяют мышлению, загромажденному множеством индивидов, сводить их в термины, содержание которых постепенно сужается, а объем расширяется: «лошадь» (вид), «животное» (род), наконец «бытие», которое охватывает все.

Самым знаменитым из учеников Эйрика Оксеррского был Ремигий Оксеррский (841—908). Унаследовав кафедру своего учителя в Оксерре, он был затем приглашен в Реймс и Париж — последовательность в карьере, непосредственно отражающая значение этих школ в IX веке. Он оставил значительное наследие в грамматике. Оно включает комментарии к грамматикам Доната, Присциана, Фоки и Евтихия, а также к ряду поэтов, в особенности к Персию и Ювеналу. В качестве теолога он написал толкования к Книге Бытия и к Псал-

171

3. От Эйрика Оксеррского до Герберта Орильякского

мам—в ни* чувствуется влияние св. Амвросия (в «Нехаемерон»—Толковании на «Шестоднев») и св. Августина; как философ он, возможно, был автором малозначительного толкования «Диалектики» Псевдо-Августина (901—902), к которому когда-то Б. Орео приписал Эйрику, но П. Курсель (Courcelle) недавно доказал авторство Ремигия; затем следует упомянуть комментарий к Марциану Капелле, написанный в это же время, и наконец — комментарии к «Opuscula» и «Утешению философией» Боэция. Орео уже отмечал, что в комментариях Ремигия к «Диалектике» чувствуется влияние Иоанна Скота Эриугены, а в комментариях к «Opuscula» Боэция оно настолько очевидно, что некогда его считали произведением самого Эриугены, и лишь в результате недавних исследований М. Каппюена (Carruena) было восстановлено подлинное авторство. То же влияние проявилось в комментариях Ремигия к «Утешению философией» Боэция, что стоило ему потери уважения современного историка: «Это произведение престарелого ученого, не слишком умного, который меньше озабочен тем, чтобы понять, интерпретировать и оценить текст Боэция, нежели тем, чтобы снабдить его примечаниями исторического, филологического и мифологического характера и продемонстрировать тем самым собственную эрудицию» (П. Курсель). Эти качества обеспечили бы Ремигию карьеру в иные времена, но не в средневековье. Тот же историк прежде всего упрекает его в том, что он «придал христианский смысл всем мыслям Боэция» и часто интерпретировал